Арена битвы – ООН

Борьба американской дипломатии против создания Государства Израиль

Президент Трумэн (слева — со свитком Торы) с Хаимом Вейцманом

В последние месяцы активно обсуждается вопрос о том, имеет ли право Израиль на самостоятельную внешнюю политику, в частности — в отношении Ирана и Сирии, или же оптимальным курсом является безоговорочное следование в фарватере политики американской.

Многие утверждают, будто у США нет государства более близкого, чем Израиль, а израильские лидеры всегда ощущали безграничную поддержку как со стороны Белого дома, так и Конгресса.

Реальность, однако, неимоверно далека от этих интеллектуальных построений, и — это важно! — так было с первых дней борьбы за еврейскую государственность в Палестине/Эрец Исраэль. В годы Холокоста американские власти не открыли границы своей страны для еврейских беженцев, равнодушно взирая на то, как их основной союзник — Великобритания — закрыла перед евреями Европы ворота подмандатной Палестины. После окончания Второй мировой американская дипломатия приложила огромные усилия к тому, чтобы не дать Государству Израиль возникнуть, вначале стремясь не допустить принятия резолюции о разделе Палестины, а после — добиваясь ее отмены.

Когда Израилю было нечем воевать за свою независимость, американские власти не только ввели эмбарго на поставки оружия, но и запретили своим гражданам даже в частном порядке призываться в отряды еврейской

самообороны в Эрец Исраэль. США признали Израиль де-юре на восемь с половиной месяцев позже, чем это сделал Советский Союз. О том же, как вели себя Соединенные Штаты при обсуждении «палестинского вопроса» в ООН, уместно рассказать подробнее.

Как известно, ключевая роль в обсуждении палестинской проблемы принадлежала Специальной комиссии Генассамблеи ООН, в состав которой вошли представители одиннадцати государств: Австралии, Канады, Чехословакии, Гватемалы, Индии, Ирана, Нидерландов, Перу, Швеции, Уругвая и Югославии. Восемь из них рекомендовали раздел Палестины на два независимых государства — еврейское и арабское — при сохранении экономического союза между ними, представители же Индии, Ирана и Югославии выступили против раздела, за создание федеративного двунационального государства. Ирак, Саудовская Аравия и Сирия внесли альтернативный план, предусматривающий создание в Палестине не федеративного, а унитарного государства, которое, принимая во внимание демографические реалии, оказалось бы преимущественно арабским.

В то же время американская дипломатия так и не смогла выработать единую позицию в отношении плана раздела: среди членов делегации США в ООН трое — заместитель главы делегации Гершель В. Джонсон, вдова бывшего президента Элеонора Рузвельт и генерал Джон Хиллдринг — поддерживали этот план, тогда как глава делегации Уоррен Р. Остин колебался. Глава же Отдела Ближнего Востока Государственного департамента Лой Гендерсон был против раздела Палестины и создания в какой-либо ее части еврейского государства. По словам видного израильского исследователя Цви Ганина, «Гендерсон вел настоящий крестовый поход против раздела Палестины, последовательно утверждая, что активная американская поддержка плана и мобилизация голосов в его пользу в ООН противоречат национальным интересам США».

В конце сентября 1947 года Гендерсон сформулировал принципиальные возражения Госдепа против идеи создания еврейского государства. Он утверждал, что поддержка создания Израиля будет ошибкой, так как помешает США оказать помощь Британии в обеспечении стабильности в восточном средиземноморье, затруднит предотвращение советского проникновения в ближневосточный регион и потребует от США военного и финансового участия в реализации плана раздела. К тому же, по мнению

автора, сама идея провозглашения еврейского государства является абсолютно неприемлемой, поскольку это государство будет якобы неминуемо носить «расистско-теократический» характер. По его словам, США должны заботиться о том, чтобы евреи не испытывали дискриминации в Палестине, однако, подчеркивал дипломат, «мы не несем по отношению к евреям никаких обязательств по созданию еврейского государства». «Декларация Бальфура …обещала евреям право на национальный очаг, а не на государство», — отмечал глава Отдела Ближнего Востока. В подготовленном для Дж. Маршалла Лоем Гендерсоном и заместителем госсекретаря Робертом Ловеттом тексте выступления на сессии ГА ООН подчеркивалось, что с планом раздела Палестины согласились отнюдь не все члены Специальной комиссии, вследствие чего вопрос должен быть изучен дополнительно. Проще говоря, подчиненные рекомендовали Маршаллу тянуть время, не декларируя внятной позиции.

17 сентября 1947 года, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи, Дж. Маршалл осторожно объявил о поддержке Соединенными Штатами рекомендаций Специальной комиссии, предложив при этом отсрочить итоговое решение до тщательного изучения поданного ею отчета; какое именно изучение можно было, по его мнению, счесть «тщательным», кто и как должен был его вести — обо всем этом госсекретарь не сказал ни слова. При этом и после объявления Маршаллом о поддержке плана раздела Палестины в Госдепе шла работа над тем, как не допустить его реализации. 3 октября на совещании с ведущими американскими дипломатами госсекретарь подчеркнул, что, хотя США и отстаивают право на еврейскую иммиграцию в Палестину, они никак не обязались поддерживать создание там суверенного еврейского государства.

В меморандуме, поданном заместителю государственного секретаря 22 октября 1947 года, Гендерсон предлагал фактически сорвать выполнение плана раздела, рекомендовав американской делегации занять максимально пассивную позицию в отношении мобилизации голосов стран — членов Генеральной Ассамблеи, чтобы план раздела был отклонен, а США смогли снять с себя ответственность за его провал.

На следующий же день Государственный департамент направил инструкции американской делегации в ООН, согласно которым нужно внести поправки в карту раздела, представленную Специальной комиссии, причем поправки эти

носили отчетливо антисионистский характер. Из директивы Маршалла следовало, что Цфат (один из четырех важнейших для иудаизма городов в Эрец Исраэль) и южный Негев должны быть исключены из территории еврейского и переданы арабскому государству, что лишало еще не возникший Израиль выхода к Красному морю. Это показалось чрезмерным даже некоторым американским дипломатам, вследствие чего Гершель Джонсон и Джон Хиллдринг выразили несогласие с этой инициативой, отметив, что ни одна другая страна не выдвигала в ООН подобных требований. Представитель Еврейского агентства в США Элиягу Эпштейн (позднее — первый израильский посол в США), будучи шокированным этой игрой Госдепа, обратился к Хаиму Вейцману с призывом постараться как можно скорее добиться встречи с президентом Трумэном.

Однако президент, симпатизировавший лично Вейцману, был настроен едва ли менее враждебно, чем сотрудники Госдепартамента. В 2003 году в мемориальной библиотеке Трумэна были найдены дневниковые записи, датированные 21 июля 1947 года и сделанные после встречи с бывшим министром финансов администрации Рузвельта. «10 минут беседовал с Генри Моргентау о еврейском корабле в Палестине, — записал Трумэн. — Сказал ему, что поговорю об этом с генералом Маршаллом». Речь шла о судьбе легендарного судна *Exodus*, на борту которого находилось 4500 еврейских беженцев, переживших Холокост, и который британские власти не пустили в Палестину. От президента можно было бы ожидать человеческого сочувствия к трагической судьбе этих людей, чудом спасшихся от уничтожения и лишенных возможности хоть где-то обрести чувство дома — однако его реакция была совершенно другой. «У евреев нет чувства соразмерности, также как и суждений о событиях в мире», — записал Трумэн. После того, как миллионы ни в чем неповинных евреев Европы были расстреляны и сожжены, о чем он к тому времени хорошо знал, президент укоряет бывшего министра финансов: «Генри привез в Нью-Йорк тысячу евреев — как предполагалось, временно, но они остались». Вывод, к которому пришел Трумэн, состоял в том, что «евреи очень, очень эгоистичны. Их не волнует, сколько эстонцев, латышей, финнов, поляков, югославов или греков были убиты или согнаны со своих мест, лишь бы только к евреям относились по-особенному».

Предложенный Гендерсоном «план бездействия», по всей видимости, был известен Гарри Трумэну и получил его одобрение. 19 ноября Трумэн принял

Хаима Вейцмана, однако единственное, чего удалось добиться 73-летнему сионистскому лидеру, — это отмены рекомендации о передаче Южного Негева и Эйлатского залива под арабский контроль. Однако Госдеп тут же выдвинул проект отторжения от Израиля Беэр-Шевы и Северного Негева, о чем Гершель Джонсон заявил в специальном комитете ООН по Палестине 22 ноября. Кроме того, американцы настаивали на отторжении от Израиля населенного арабами города Яффо, находящегося на границе Тель-Авива, что превращало Яффо в анклав арабского государства внутри территории будущего Израиля.

Несмотря на все эти упражнения в политической географии, само принятие решения о разделе было отнюдь не гарантированным. За пять дней до решающего голосования на ГА ООН, 24 ноября 1947 года, заместитель госсекретаря Роберт Ловетт инструктировал членов американской делегации: «Президент не хочет, чтобы американская делегация прибегала к угрозам или давлению какого-либо рода на другие делегации, с тем, чтобы они проголосовали за план большинства, поддерживающий раздел Палестины. Мы готовы проголосовать за этот отчет [Специальной комиссии по Палестине] …однако ни в коем случае не станем вынуждать другие делегации следовать нашему примеру».

Требуемого большинства в две трети голосов членов Генассамблеи не было до самого последнего момента; члены американской делегации стали убеждать представителей колеблющихся стран поддержать план раздела лишь в самые последние дни перед голосованием. Ключевую роль в изменении позиции американских дипломатов сыграл Дэвид Найлс, который, если верить Гершелю Джонсону, позвонил им якобы от имени президента, чтобы передать, что «президент просит нас именем Господа собрать все голоса [в поддержку плана раздела], какие только можно собрать, и что если голосование провалится, наступит ад». Когда Джонсон спросил Найлса, как быть с тем, что его слова находятся в разительном контрасте со всеми предшествующими распоряжениями Государственного департамента, тот ответил: «Не обращайте внимания на Госдеп, это — распоряжение президента!». У историков до сих пор нет никаких документальных свидетельств в пользу того, что Найлс в самом деле получил от президента подобные распоряжения, а не блефовал, действуя на свой страх и риск. Неизвестно и то, оказала ли резко изменившаяся в последние дни перед

голосованием позиция членов американской делегации влияние на представителей других стран.

Как бы там ни было, на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи 29 ноября 1947 года резолюция о разделе Палестины и создании двух независимых государств была принята большинством в 33 голоса против 13 при 10 воздержавшихся и одном отсутствующем делегате. Однако совершенно очевидно, что ключевая роль в этом принадлежала не Соединенным Штатам, а Советскому Союзу, выступления постоянного представителя которого Андрея Громыко в 1947 году были несравнимо более просионистскими, чем выступления американских дипломатов. В 1948 году именно Советский Союз стал первой из мировых держав, признавшей Израиль как де-факто, так и де-юре; именно Советский Союз — через Чехословакию — поставил Израилю оружие, которым была выиграна Война за независимость; и именно Советский Союз стал ключевым экспортером энергоносителей в еврейское государство. «Медовый месяц» в отношениях с СССР, как известно, был очень коротким, но и отношения с США оставались очень и очень сложными…

Алек Д. Эпштейн, специально для «Хадашот»